

Франк Буис

ПЬЮЩИЕ ВЕТЕР

ПЬЮЩИЕ
ВЕТЕР

Они хотели вырваться из нищеты,
но звезды казались им слишком далекими.

Нищие. Так говорил Заратустра

Пролог

Мужчина и его тень шли за женщиной по поросшему деревьями склону горы. Мужчина продвигался с трудом, горбился, потому что нес на спине завернутый в оленью шкуру тяжелый груз — их вещи, и привязанные к поясу ракушки позвякивали при каждом его шаге. Женщина на спине ничего не несла, она держала на руках ребенка. Тот не плакал, хотя и не спал. Мужчина шагал осторожно, чтобы не споткнуться, а еще он искал какие-нибудь следы, говорившие о том, что до них здесь уже кто-то проходил.

Вскоре они добрались до вершины холма. Мужчина бросил взгляд на лежащую внизу долину, потом посмотрел на женщину, а та — на ребенка. В глазах мужчины появилось беспокойство. Он уже было собрался продолжить путь, но женщина схватила его за руку. Может быть, она не хотела туда идти: вдруг там, в густой траве, через которую иногда проблескивали темные воды извилистой реки, стрягалося какое-нибудь чудовище. Кто знает. И кто знает, ответил ли он что-нибудь, или же ему хватило и ее молчаливой уверенности в том, что

она заметила что-то, невидимое его глазу; может, это что-то было зарождающейся мечтой, планами на оседлую жизнь, надеждой на окончание пути. Никто этого не знает, никто не помнит, потому что потом, в будущем, никто из них не подумал о том, чтобы записать свою общую судьбу, и вот теперь она потеряна, и их уже забыли, они не превратились в легенду, не пронеслись через века.

Место это называли Гур Нуар. Кто выбрал это название, тоже неизвестно, может быть, мужчина, а может, и женщина. Вероятнее, кто-то из их детей. Пока что говорить об этом нужды нет. Пусть разворачивается пейзаж, пусть выскакивает, как лезвие выкидного ножа, которое так долго лежало себе в рукоятке с выгравированными именами и лицами. Все это происходило не так давно. Достаточно завести часы, стрелки которых остановились на этом раннем часе, и вот мгновение застыло в жидком циферблате реки, достаточно погрузиться в историю, во времена далеко не первого мужчины и не первой женщины на земле, в миг, когда человек, ставший трупом с перерезанным горлом, без единой кровинки в лице, проплыл по реке, когда его захватило в водоворот, стало бросать об острые камни, а потом проткнуло острой веткой, которая отломилась от какого-нибудь дерева во время грозы. Достаточно вернуться к этой реке, оказаться среди собравшихся на берегу потомков первого мужчины и первой женщины и представить себе то, что было до этого, с помощью того, что было после.

Ни птицы, ни змеи, ни зверя, ни насекомого, ни дерева, ни травинки, ни камня, никого, кого бы

увиденное расстроило. Лишь один мужчина в толпе почувствовал глухую непонятную боль, предчувствие собственного конца, росток будущей смерти, после которой будет новый мир, и некоторые уйдут, а некоторые останутся.

Чтобы свидетельствовать о том, что случилось дальше, нужно рассказать о тишине с помощью слов, хотя никаких слов не хватит, чтобы передать реальность, да это и не обязательно. Но свидетельствовать нужно. Нужно рассказать о малом и о великом. Нужно вернуться туда, на самую вершину, на тот холм, где появились тот первый мужчина, несущий груз за плечами, та первая женщина с ребенком, вернуться на века назад, когда первая женщина с надеждой посмотрела на природную зеленую колыбель, думая, что эта колыбель подходит и для них, и для их будущих детей, и для детей их детей, нужно увидеть этого мужчину, похожего на уснувшего у входа в собственную нору зверя, смиренно посмотреть на забытые миры.

Среди стоявших по берегам реки мужчин, что застыли, как экспонаты в музее восковых фигур, и смотрели на труп, похожий на соломинку, проткнутую другой соломинкой, находился, скорее всего, и виновник убийства.

Люди встречались взглядами, отводили глаза, ошарашенные, подозрительные, желающие перейти в нападение или отступить, ищущие улику, которая помогла бы им понять, почему человек превратился в это, в тело, что несут воды реки; люди пытались угадать, что за сила превратила его в уносимое течением ничто. Потом они будут размышлять, каждый по-своему, иногда одинаково, но ис-

тинной не станет ни одна их мысль. Ведь доказательства нет.

В течение следующих дней несколько мужчин попытались повернуть реку вспять, думая, что смогут стереть из памяти этот ужас, что смогут сделать так, что труп поплывет вверх по течению и исчезнет. Их было так мало, что они быстро бросили эту затею и смешались с остальными, потому что не хотели быть одиночками, не хотели, чтобы их исключили из возведения нового мира. Ведь речь шла именно об этом — построить новый мир на костях распятого в реке человека, именно сейчас, когда время решало все, налипая на летопись бытия, как мухи на липкую ленту, время текло, вбирая в себя воспоминания, которые никто не обсуждал.

А сейчас пришло время дать волю словам, никого не щадя, ни невинных, ни виноватых, эти слова тоже исчезнут, но они будут существовать ровно столько, сколько о них будут помнить.

История началась, когда они еще ничего не знали о том, каким станет их мир, а старый мир родил их лишь для того, чтобы переместить в новый. Они ничего не знали о создающейся истории, но были готовы рассказать свою историю, рассказать на свой лад: у кого-то будет дрожать голос, а кто-то, сдержавшись, сможет сделать вид, что ему все равно. Так и произошло, рассказанная история, та, что их наконец объединила, дала им иную цель, и вовсе не для того, чтобы обнаружить виновного.

И кто сейчас скажет, что это им не удалось?

Кто посмеет это сказать?

1

Их было четверо, но они были, есть и будут одним целым. Это читалось в лицах этих четырех ребят, крепких, сплоченных, закаленных. Четыре ребенка, четыре жизни, которые переплетались и начинали складываться в одну. Три брата и сестра, рожденные в Гур Нуар.

После школы дети отправлялись к виадуку — монументальной арке, которая поддерживала железнодорожные пути. Под аркой текла река, проходила как нитка в игольное ушко. Вечерами, когда погода была хорошей, солнце играло на глади реки, превращая воду в тысячи изогнутых ртов; на растрескавшуюся землю ложились тени, создавая причудливые фигуры, которые исчезали с заходом солнца, как будто их стирал какой-нибудь глупый божок. В хмурую погоду по реке клочьями летел туман, и казалось, что это мечутся призраки, не зная, в какой мир податься. На арке собирались крупные капли дождя, они падали, играя на солнце, а потом исчезали. Под виадуком пряталась какая-нибудь рыбацкая лодка, которую привязывали к колышку;

лодка постоянно билась о сложенные из гранита выступы моста. Как будто под водой кто-то жил и этот кто-то дергал за веревку, кто-то огромный и бесчувственный, ни бог, ни судья, кто-то, кто просто существовал и давал людям иллюзию собственной значимости, собственной нужности.

Марк, Матье и Мабель ходили к реке, чтобы подольше не возвращаться домой. Дома они чувствовали себя почти посторонними, а здесь, у реки, придумали себе собственное царство. Люк их уже подждал, его выгнали из школы: учительница опустила руки и сказала родителям, что ему уже ничем не помочь. Они сидели все вместе и долго мечтали, мечты становились почти реальностью, каждый что-нибудь рассказывал, они жались друг к другу, как бездомные котята, которые вот-вот покинут мусорные бачки и полезут на крышу.

Именно десятилетней Мабель пришла в голову мысль принести веревки и прикрепить их к перилам виадука. Братья сочли идею замечательной и удивились, почему первыми до этого не додумались. Они взобрались на виадук по самой некрутой тропинке, и каждый нес за спиной веревку, как заправский альпинист. С виадука открывалась вся долина с каменоломнями, теплоэлектростанция и дамба, вдали были видны отдельно стоящие дома, которые в конце концов переходили в городские постройки; дома напоминали одинаковые декорации, потому что к ним ничего нельзя было пристроить, даже курятник, без официального разрешения властей.

Дети продумали все до мелочей. Они крепко привязали веревки к перилам, две на одной сторо-

не виадука на расстоянии метров двадцати друг от друга, а две другие строго параллельно на противоположной стороне. Матье предложил скрутить веревки, чтобы они были более прочными, из соображений безопасности. Потом каждый бросил один конец веревки вниз, а другой привязал к поясу. Завязывать узлы поручили Марку, потому что он выучил целую кучу по одной книге.

Матье спустился первым, чтобы показать, как правильно. Повис над рекой и помахал им рукой. Остальные тоже стали спускаться по веревкам, а потом все вместе застыли в воздухе, как паучки в паутине, ожидая поезда.

Вдали загудел локомотив, и ребята заорали, крики сливались, отгоняя страх и наполняя их сердца счастьем. Поезд несся по рельсам, те начали вибрировать, и вот веревки тоже затряслись, и каждый почувствовал чистые вибрации истинной жизни. Как будто для всех четверых время остановилось. Ощущения были сильнейшими.

Поезд скрылся из виду, и ребята молча переглянулись, расслабились, вновь ощущая окружающий мир. Вдруг Люк принялся раскачиваться на веревке и смеяться. Другие последовали его примеру, они тоже захохотали, им казалось, что легкие все больше раздуваются, но воздух был не таким, как на твердой земле. Река, деревья и небо — все перемешалось, как будто кто-то встряхнул волшебный стеклянный шар.

Поначалу им пришлось повоевать с птицами, которые гнездились под сводом моста. Некоторые нападали на них, как крохотные летучие матадоры, защищали свои гнезда или просто территорию, да

так, что ребята стали брать с собой палки, которые крепили к поясу, для защиты, играли в мушкетеров и громко хохотали. Одна из птиц, сокол, как сказал Матье, который наизусть знал всех птиц и вообще все, что есть в природе, чуть не выклевала Люку глаз, у него на правой скуле даже остался шрам, полученный в бою, которым Люк очень гордился, так гордился, что даже украдкой расковыривал ранку, чтобы шрам не зажил, чтобы все знали, какой Люк храбрый. Постепенно птицы привыкли к их присутствию и стали чувствовать себя в безопасности. Больше не нападали, не кричали, иногда лишь задевали крыльями, как будто приветствовали, как будто показывали, что дети стали частью их мира, частью, необходимой для природного равновесия; но глаз с ребят не спускали.

Ребята же пока еще просто бросали вызов судьбе, наслаждались чистой свободой этого мгновения, о котором будут помнить до самой смерти. Опасности они не боялись, они даже не думали, что веревки могут стереться или вообще лопнуть. Они даже представляли, как перережут веревку, но никогда друг другу об этом не говорили. А если бы кто и перерезал, то, наверное, и остальные бы последовали его примеру, чтобы если уж и упасть, то всем вместе. В будущем никто из них не мог с уверенностью сказать, что игра тогда не стоила свеч.